

ТЕРРОР КАК МЕТОД ПОДМЕНЫ ИСТИНЫ И ИНСТРУМЕНТ ПОДЧИНЕНИЯ РЕАЛЬНОСТИ

Тоталитарные режимы XX века, власть которых связана с конструированием идеологического пространства, в процессе своего становления и функционирования неизбежно прибегали к террору. Насилие над политическими оппонентами – это классический метод борьбы с конкурентами, но в случае с тоталитаризмом репрессии имеют и онтологические основания. Как писала Х. Арендт, целью террора в условиях тоталитарного режима является не благо реальных людей, а интересы выдуманного, в рамках внутренней доктрины, человечества. Борьба, которую подобный режим ведет против врагов «истории», или «природы», нацелена не столько на устранение противников действующей политики, сколько на укоренение новых значений в общественном сознании. Так, слова «история» и «природа» в условиях тоталитарной пропаганды становятся выражением самого принципа движения: движения к вымышленной реальности, понимаемой как «будущее». Таким образом, страх и насилие становятся методом конструирования гиперреальности внутри отдельно взятого государства. Но корни подобной методологии уходят вглубь человеческой истории, что позволяет говорить о смыслообразующем аспекте террора как о проблеме, требующей философской рефлексии.

М. Вебер квалифицирует понятие «государство» как союз людей, получивший монополию на легитимное насилие. Такая трактовка не является общепризнанной (та же Х. Арендт писала о противоположности насилия и власти), но она достаточно функциональна, чтобы быть принятой на вооружение при анализе масштабных кровопролитий, сопровождающих человечество на пути его бурного развития.

История изобилует примерами массовых вспышек насилия, причины которых сегодня могут трактоваться как политические: резня на Авентинском холме в 121 г. до н. э., резня в День святого Брайса в 1002 г., «Варфоломеевская ночь» 1572 г. и пр. Но, поскольку нас интересует непосредственная попытка насильственного вмешательства в поле символической реальности, то особое внимание стоит обратить на события во Франции конца XVIII в.

Генезис понятия «террор», в его современном значении, связывают с Великой французской революцией. Под ним понимается не просто ряд массовых насильственных актов, но особая форма политического контроля. Как пишет Ю. С. Горбунов: «Во Франции террор, потерявший экономическую мотивацию, впервые возводится в ранг

государственной политики постфеодального и постмонархического обществ» [2, с. 34]. Об этом позволяет говорить серийный и официально декларируемый характер репрессий в период la Terreur.

Х. Арендт разделяет понятия «насилие» и «террор», характеризуя последнее следующим образом: «Форма правления, возникающая, когда насилие, разрушив всякую власть, не уходит со сцены, но, напротив, сохраняет за собой полный контроль» [1, с. 65]. Х. Арендт утверждает, что если вчерашний палач уже на следующий день выступает в роли новой жертвы, то ни о какой власти не может быть и речи.

Но что тогда является целью систематического насилия, если выстраиваемая им структура не дает реализоваться «воле к власти»? Касаясь темы террора и Великой французской революции в эссе «Литература и право на смерть» М. Бланшо указывает на отправную точку этих феноменов, описывая момент личного переживания «революции»: «Человек знает, что он не покидал истории, но эта история опустела, стала пустотой в становлении, абсолютной свободой, превращенной в событие» [3, с. 30]. Это переживание трансформируется в революционное действие, осознаваемое как последнее свершение. Единственным возможным выбором является выбор между свободой и небытием. Смыслом террора, в такой интерпретации, является стирание всяких различий, как физических, так и духовных. Люди, выступающие в качестве медиаторов террора, не мыслят себя иначе как чистую абстракцию – воплощенную идею абсолютной свободы, оказавшуюся по ту сторону истории. Их желание свободы сопряжено с тягой к смерти, вследствие чего автор заключает, что Сен-Жюст и Робеспьер воплощали террор не посредством той смерти, на которую отправили толпы людей, а через ту, на которую обрекли себя.

Вышесказанное позволяет говорить о ключевой особенности террора – его идеологичности. Террор не может быть лишен символического содержания, трансляторами которого и мыслят себя его исполнители. Более того, он является непосредственной реакцией на нарастающий антагонизм господствующей и вытесненной в область маргинального символических моделей. Направление насилия, идет ли оно от официальной власти или против нее, не существенно. Вместо этого, определяющей для террора является системность насилия.

Выделенные характеристики создают определенную сложность в разделении понятий «террор» и «терроризм», по поводу которого у исследователей нет явного консенсуса. Так, А. К. Сафонов отмечает, что: «Понятие «террор» чаще всего подразумевает применение насилия со стороны «сильного», в частности, государства как политической силы, а термин «терроризм», напротив, обозначает проявление насилия со стороны оппозиции» [4, с. 65]. Общим и ключевым остается

ся насильственный и политический характер этих явлений.

В контексте вышесказанного, логично будет обратиться к стратегиям современного терроризма. В частности, Ж. Бодрийяр, рассуждая об атаке на США 11 сентября 2001 г., утверждает, что существующей системе удастся выживать исключительно за счет того, что она ведет все войны в поле реального, где является очевидным гегемоном. Но терроризм нашел способ нивелировать разницу в ресурсах: он перенес борьбу в сферу символической реальности, в рамках которой основными правилом борьбы является не прямой конфликт, а процесс повышения ставок. Таким образом, направленный на подрыв существующей власти террор стремится подчинить реальность символическим жертвоприношением, ведь «на смерть ответить можно только смертью» [5, с. 106]. Следует отметить, что при использовании современных технологий террор так же стремится к воздействию на глубинные психологические установки. Таким образом, описываемая Ж. Бодрийяром «гиперреальность» стала местом борьбы за смыслы, ради победы в которой приносятся не фигуральные, а реальные человеческие жертвы.

Информационные технологии не только дают возможности для обучения и развития, но и позволяют разрабатывать и использовать новые формы насилия. Однако, как отмечала Х. Арендт, степень действительности террора прямо зависит от степени социальной атомизации. Спутниками современного общества стали случайность и риск, но пока оно сохраняет возможность к коммуникативной рефлексии, оно сохраняет силы на отстаивание собственной реальности от насильственных посягательств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арендт, Х. О насилии. / Х. Арендт. М.: Новое издательство, 2014. 148 с.
2. Горбунов, Ю. С. Об определении понятий «террор» и «терроризм» / Ю. С. Горбунов // Журнал российского права. 2010. №. 2 (158). С. 31–40.
3. Бланшо, М. От Кафки к Кафке. / М. Бланшо. М.: Логос, 1998. 438 с.
4. Сафонов, А. К. Понятие и истоки современного терроризма / А. К. Сафонов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2013. №1 (57). С. 64–66.
5. Бодрийяр, Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было. / Бодрийяр Ж. М.: РИПОЛклассик, 2016. 224 с.